

Теории и исследования

Особый источник знаний о человеке как личности в России

Зинаида Иноземцева

ЖИТИЯ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ КАК ИСТОЧНИК ЗНАНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ РОССИИ

Аннотация. Рассматриваются методологические и источниковедческие вопросы возрождения житийной традиции Русской Православной Церкви на принципах историзма, правдивости фактов и достоверности источников, подтверждающих реальность духовного подвига святости, явленной человеком России в XX веке.

Ключевые слова: житие; агиография; духовность; новомученик.

Abstract. Methodological and historical problems of revival of hagiographic tradition in the Russian Orthodox Church at the principles of historicism, fact's veracity and authenticity of source confirming reality of holiness's spiritual feat shown by a man to XX-th century Russia are discussed.

Keywords: life story; hagiography; spirituality; new martyr.

Возрождение церковной культуры и науки, объединение светских и научных сил стало одним из знамений нашего времени. Рушатся искусственные препоны между верой и знанием, воздвигнутые антирелигиозным мышлением. Начался процесс, который принято называть духовным возрождением России.

*Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси
[1, с. 9–10]*

Объединение
научного
и церковного знания
о человеке –
знамение времени

В 2000 г. на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви состоялась канонизация святых XX века*. Возродилась житийная традиция, прерванная в 1917 г. Феномен святости, отраженный в житиях новомучеников, за веру пострадавших, предстал как ключевое событие века, проливающее свет на историю России, духовный подвиг народа, сохранившего национальные приоритеты в период гонений на Церковь.

Среди гуманитарных наук, объектом и предметом исследования которых является человек как субъект истории, все более заметное место занимают агиография и агиология**, позволяющие осмыслить духовную составляющую личности. Эти дисциплины в советское время были изъяты из научного знания как не соответствующие материалистической идеологии; жития святых изучались узким кругом специалистов в качестве устаревшего жанра древнерусской литературы. В последние два десятилетия исторические, текстологические, литературоведческие, философские исследования житийной литературы возобновились. Однако они не простираются за рамки начала XX столетия и не касаются житий новомучеников. *В.В. Полонский*, исследователь агиографической традиции западного и отечественного христианства, констатирует, что в истории Русской Православной Церкви нет парадигмы для таких жизнеописаний, и подчеркивает их важную отличительную особенность: «жития новопрославленных святых составляют ныне по совсем иным законам и представляют собой, по сути, строго выверенные научно-документальные биографические исследования» [2].

Документальная
основа агиографии
новомучеников

Действительно, агиография святых XX века развивается на строго документальной основе, что обусловле-

* *Канонизация* – причтение усопшего подвижника к лику святых.

** *Агиография* – научно-богословская дисциплина, предметом изучения которой являются жития как церковно-исторический жанр воскрешения земного пути святых. *Агиология* – научно-богословская дисциплина, изучающая феномен святости.

но историческим временем, когда духовный подвиг, сокрытый тюремной стеной, оставался неведом народу, в отличие от подвига первых христиан, мучения которых осуществлялись всенародно. Проблема изучения и составления житий святых XX столетия была разрешена историками-агиографами Русской Православной Церкви в ходе подготовки материалов для канонизации*. Накоплен огромный историко-богословский потенциал и практический опыт в области исследования человека России XX века, достойный введения в научное знание.

Рассматривая историю становления агиографии новомучеников, автор опирается на материалы Синодальной комиссии по канонизации святых, на труды видного историка-агиографа игумена Дамаскина (Орловского), составившего более 900 житий новомучеников и исповедников, на исследования других современных агиографов [3], чьи труды, в совокупности с житиями новомучеников, содержат уникальный материал для концептуального анализа истории XX столетия, а также на документы личного архива**.

Базовые понятия, выражающие духовные ориентиры народа России

Базовые понятия, выражающие духовные ориентиры национального самосознания народа России, в XX веке были искажены. Так, в советских словарях *«жизтия»* определены как «биографии духовных и светских лиц, канонизированных христианской церковью»; *«святые»* – как «мифические или исторические лица, которым в различных религиях приписываются «благочестие», «праведность», «богоугодность», посредничество между Богом и людьми»; *«идеал»* – как «образец, нечто совершенное, высшая цель стремлений» [4]. В этих определениях смыслы переведены в плоскость материалистической односторонности. Идеал человека святого подменен идеалом исторической личности. Однако человек святой – всегда созидатель, в то время как историческая личность нередко оказывалась разрушительной. И потому в свято-

* К настоящему времени поименно канонизировано 1770 новомучеников и исповедников, за веру пострадавших в СССР. Это число превзошло количество святых Церкви Вселенской за всю историю христианства.

** В личном архиве автора сохраняются записи бесед с видным историком-агиографом игуменом Дамаскиным (Орловским) на заседаниях Секции личных фондов и документальных коллекций Российского общества историков и архивистов и на круглых столах-встречах, проводимых под председательством автора. За свои труды иг. Дамаскин в 1997 г. удостоен премии памяти митрополита Макария (за кн. 1 и 2); в 2002 г. – литературной премии Союза писателей России.

отеческом изъяснении эти понятия в своей содержательной сущности ничего общего с приведенными определениями не имеют. *Житие* – это не биография и даже не жизнеописание подвижнической жизни. Это воскрешение в литературном жанре духовного подвига человека *святого*, то есть человека, осуществившего евангельский *идеал* на пути в жизнь вечную [5].

Сохранение в сознании народа своей собственной истории стало одной из сложнейших проблем XX столетия. Из жизни уходили последние очевидцы событий первой половины века. Официальная историография не отражала историю гонений на Церковь. Доступ к архивным документам о судьбах репрессированных священнослужителей вплоть до начала 1990-х годов оставался закрытым.

Устная история репрессированного духовенства

Обращение к устной истории, собирание сведений о реальных фактах и духовных смыслах антирелигиозного века, о подвиге за Христа пострадавших оставалось единственной возможностью сохранения живой связи времен и поколений в условиях сокрытия от народа правды истории.

В середине 1970-х годов студент Литературного института (будущий игумен Дамаскин) с группой из трех человек приступил к восстановлению исторической правды о народной трагедии. Он вспоминает: «Во всей работе от начала нами руководило одно: необходимость служить святым новомученикам. Конечно, было понимание, что воскрешение их подвига в слове потребует огромного исследовательского поиска, что на тот момент мало собрано материалов о духовенстве и мирянах, пострадавших за Христа, не известны свидетели событий – носители устной истории, не доступна и не исследована источниковая база ни по фондовому, ни по видовому составу документов, отсутствует опыт предшественников, который можно было бы синтезировать, углублять и продвигаться дальше в исследовательском поиске. Агиограф XX столетия, в отличие от отечественных агиографов предшествующих времен, должен был начинать работу с нуля» [6].

Недоступность архивов, отсутствие исторических исследований

Недоступность архивов, полное отсутствие исторических исследований, которые могли бы составить фундамент для углубленного изучения истории Церкви в XX столетии, создавали, казалось бы, непреодолимые препятствия для восстановления исторического прошлого в разрезе тысяч судеб репрессированных священнослужителей и мирян, за веру пострадавших. Тем более что это был период непрекращающихся антирелигиоз-

Информационный потенциал устной истории

ных гонений, когда Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев обещал в 1980 г. показать народу «последнего попа». Собирать сведения об истории гонений на Церковь было не просто и небезопасно. Люди боялись вспоминать о трагическом прошлом. Вопреки всем препятствиям, встречи состоялись в десятках городов и сел 36 регионов России.

К началу 1990-х годов была собрана, зафиксирована и изучена уникальная устная информация об обстоятельствах закрытия храмов, священниках и их арестах, о прихожанах храмов, пострадавших в годы репрессий, получены (чаще в копиях) сохранившиеся в личных собраниях документы, рукописи, фотографии.

Важную положительную роль сыграл фактор времени, недавнего от события, – не более 70 лет, когда еще сохранились в значительной степени инфраструктура быта, стереотипы сознания и язык, когда не был утрачен зрительный и психологический образ ушедшего и уходящего поколений. Еще была жива память о фактах истории, живы очевидцы событий, их дети, иногда сохранившие косвенные свидетельства и ценные документы в своих семейных архивах. Будущий составитель житий посещал места проживания и подвига пострадавших, что позволяло «вжиться в среду бытования» подвижника, лучше представить внешние обстоятельства его жизни и мотивацию поступков в крайне сложных внешних обстоятельствах.

Специфика интервьюирования очевидцев репрессий священнослужителей

Своеобразной была методика интервьюирования, если можно так условно назвать ту предельно искреннюю доверительную беседу, которая разворачивалась между агиографом и очевидцем событий или человеком, который помнил от своих родных и близких рассказы о репрессиях в отношении священников и мирян. Автору довелось присутствовать на одной из таких бесед игумена Дамаскина с очень пожилой женщиной Анфисой в селе Бабино, неподалеку от Дивеевского монастыря. В отличие от профессионального интервьюера, вопросы которого направлены, как правило, на выявление отношения респондента к той или иной предложенной ему гипотетической версии события, о. Дамаскин в ходе беседы оставался за кадром, лишь время от времени переспрашивал, уточняя даты, имена. Он не направлял мысль свидетеля в эмоциональное русло, не навязывал диалог. Он выслушивал, в необходимых случаях вводил в контекст памяти новые имена, которые знал из ранее собранных и изученных материалов. Вокруг этих имен вновь начинали роиться воспоминания свидетеля, кото-

рый постепенно становился предельно откровенен, потому что чувствовал и видел перед собой человека, который не выступал судьей, с иным взглядом на события.

Шаг за шагом воскрешалась запечатленная в сознании очевидцев летопись века. Так удалось выявить имена сотен репрессированных священнослужителей и мирян, записать их воспоминания.

Субъективность сведений устной истории о репрессированном духовенстве

Материалы устной истории при всей их информативности и значимости не составляли достаточную по полноте, а главное – по достоверности, основу для написания житий. Субъективность восприятия и видения, в некоторых случаях приверженность заданному образу, имели следствием разность свидетельствования об одних и тех же фактах. Кроме того, воспоминания, как правило, обрывались на факте ареста пострадавшего. Очевидцы событий, происходивших за тюремными воротами, встречались крайне редко. О том, что было там, могли свидетельствовать, как правило, лишь документы.

До начала 1990-х годов лишь отдельные виды архивных документов с персональной информацией о священнослужителях были доступны для изучения: клировые ведомости, метрические книги, послужные списки и некоторые другие, которые позволяли частично уточнять биографические сведения. Оставалось неизвестным главное: как человек завершил свой земной путь, оказавшись перед лицом вечности.

Информативных источников как личного, так и официального происхождения для воскрешения личности пострадавшего с целью выяснения его духовного подвига было мало. Письма и дневники, документы, содержащие биографическую и генеалогическую информацию, изымались при арестах, а сохранившиеся впоследствии нередко уничтожались родственниками как представляющие для них опасность в случае обнаружения органами госбезопасности.

Извлечение из мрака забвения славных имен новомучеников земли Российской

Десятилетия кропотливого исследовательского труда приподняли исторические пласты XX столетия. Собранные материалы легли в основу жизнеописаний, вышедших по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси период с 1992 по 2002 год в 7 книгах, а также житий канонизированных святых [7]. Работой «по извлечению из мрака забвения славных имен новомучеников земли Российской» назвал подготовку этого издания Святейший Патриарх, подчеркнув его общецерковное значение: «Кровью мучеников создавалась Церковь Христова первых веков христианства.

Кровью мучеников и исповедников создается и наша Русская Православная Церковь, которая, выйдя из эпохи гонений и преследований, совершает духовное и нравственное обновление нашего народа, потерявшего в результате семидесяти лет воспитания духовные и нравственные основы жизни. <...> Жизнеописания многих подвижников уже изучены Синодальной комиссией по канонизации святых, и Священный Синод вынес на решение очередного Архиерейского Собора вопрос об их общецерковной канонизации в лике новомучеников и исповедников Российских XX века» [8, с. 4–5].

Так начинался путь к постижению духовного смысла истории России XX столетия и воскрешения в памяти народа подвига тысяч героев духа – новомучеников Церкви Русской, святость которых все еще удерживает мир от катастрофы.

Изменения
взаимоотношений
государства и Церкви

В 1988 г. торжественно отмечалось 1000-летие Крещения Руси, что стало возможным в условиях наступившего ослабления антирелигиозной политики советского государства. Вскоре права граждан на свободу совести и вероисповедания получили закрепление в законодательных актах [9]. Архивы открыли доступ к изучению многих ранее закрытых фондов и документов, содержащих информацию о репрессивной политике против духовенства и православного народа. Эта сторона жизни народа не получила освещения в советской историографии.

Архивные документы
в агиографических
исследованиях

По ходатайству Церкви Русской ее Синодальная комиссия по канонизации святых впервые приступила к изучению ранее мало доступных архивных комплексов, в том числе судебно-следственных дел по обвинению духовенства. Сопоставление устных сведений с данными архивных документов подтвердило: любые воспоминания, кажущиеся вполне объективными, недостаточны для постижения личности человека и установления достоверности фактов.

Необходимая полнота информации, достаточная для объективного знания, достигалась посредством проведения сплошного выявления и изучения массовых (прямых и косвенных) источников, раскрывающих репрессивные акции не только в отдельно взятом храме, но на всей территории уезда (района), губернии (области) применительно к каждому пострадавшему лицу. В программу исследовательского поиска как необходимая составляющая были включены законодательные и нормативные акты по вопросам религиозной политики, многие из которых ранее не публиковались.

Источниковая база, подлежащая изучению, оказалась огромна: сотни фондов и тысячи документов в составе Архивного фонда Российской Федерации. Изучались документы Канцелярии Синода и обер-прокурора Синода, Учебного комитета, Училищного совета Синода, Поместного Собора, канцелярии Патриарха и Священного Синода, личные фонды духовенства, семьи Романовых, чиновников, служивших по духовному ведомству, фонды Поместного собора, канцелярии Патриарха Тихона, Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР (1921–1938), Совета по делам религий при СМ СССР (1943–1974), Наркомюста РСФСР, управлений КГБ СССР по Москве и Московской области и другим регионам РСФСР, а также фонды и документы партийных органов, органов государственной власти и управления, проводивших антирелигиозную политику, и др.

Судебно-следственные дела как источник сведений о человеке

Наиболее информативным документальным источником, восполнившим сведения о земном пути репрессированного священнослужителя или мирянина, оказались судебно-следственные дела, в которых нашли отражение предельные состояния человека, оказавшегося перед лицом вечности, его духовные взлеты и (или) падения; раскрыты состояние и поступки человека в нечеловеческих условиях моральных и физических страданий.

Обращение к документам следственного производства вызвало заметное эмоциональное напряжение той части церковной общественности, которая полагала, что факт насильственной смерти священнослужителя достаточен для его канонизации. Подготовка канонизации новомучеников, – отмечает И.В. Семененко-Басин, – породила «проблему достоверности документов, отложившихся в результате деятельности репрессивных органов СССР, слежки, доноительства, предвзятого следствия» [10, с. 193]. Была даже предпринята попытка объявить эти документы фальшивыми, их содержание – «сплошной ложью» на том основании, что исходили они от репрессивных следственных органов [11, с. 206–215]. В научных кругах такие суждения не были поддержаны как не профессиональные, не учитывающие возможности извлечения достоверной информации методами источниковедческой критики исторического источника [12]. Изучение показало, что в документах следственного производства зафиксировано пунктуально точно предъявленное обвинение и ход следственного процесса, что позволяет получить важнейшие сведения

о личности обвиняемого, его духовном стоянии. Ложное (фальсифицированное) обвинение в контрреволюционной деятельности, предъявленное подследственному, само по себе подтверждает достоверность факта предъявления священнослужителю такого ложного обвинения, а протоколы допросов – поступки человека в условиях принуждения.

Под тяжестью лжи человек может сломаться

Документы свидетельствуют, что под тяжестью навалившейся лжи человек нередко ломался, собственноручно писал прошение об отречении от сана, давал на себя и на других ложные показания. Документы эти являются уникальным по достоверности историческим источником о формах и методах репрессивной политики, духовном стоянии мученика, не отступившего от упования на Бога, а нередко и об утрате человеком духовных сил, принятии им условий лжесвидетельства. Если обвиняемый не подписывал ложное обвинение, следовательно прибегал к показаниям «штатных» свидетелей, которые удостоверяли любые угодные следствию показания. Приговор лицам духовного звания был predetermined.

Документы судебно-следственного производства, наряду с другими видами архивных первоисточников, в последние десятилетия активно используются в развитии специальной научной дисциплины – биографики [13]. В фокусе биографических исследований, выполненных в отечественной культурно-исторической традиции, – внутренний мир человека, мотивация его поступков [14].

Традиции канонизации святых в Древней Церкви

Современная агиография возрождается на принципах духовности, историзма, правдивости факта и достоверности источника, подтверждающего реальность подвига святости. Такой подход основывается на восприятии раннехристианского опыта Древней Церкви, опирающегося на документально зафиксированные свидетельства очевидцев подвига святости – мученические акты, на святоотеческое агиографическое наследие преподобного Нила Сорского, митрополита Макария Московского, святителя Димитрия Ростовского, а также на труды В.О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» (1876), Н. Барсукова «Источники русской агиографии» (1882), Е. Голубинского «История канонизации святых в Русской Церкви» (1894).

Агиография святых XX века

Перед агиографом стоит труднейшая духовная задача: видеть и чувствовать каждое событие, каждый включаемый в житие штрих глазами святого. Собствен-

ная позиция агиографа может быть донесена до читателя в качестве исторического комментария, исходя из понимания, что святые действуют в реальных исторических событиях, что их житие должно свидетельствовать о фактически действующих людях, исторических фактах, нести богословскую нагрузку. Составитель в необходимых случаях вводит читателя в евангельские тексты и святоотеческие истины, соотносимые с мыслями и поступками святого, раскрывающими духовное содержание его жизни. *Автором жития святого как бы является сам святой.* Агиограф выступает только как *составитель* жития, исследующий и достоверно описывающий личность и духовный подвиг святого, как посредник между святым и читателем.

Святой – это личность, значительно превосходящая других духовно-нравственным совершенством

Игумен Дамаскин пояснял, что жизненный и духовный опыт любого исследователя и составителя много меньше и уступает опыту подвижника, что святой – это личность, которая значительно превосходит составителя по чистоте ума, духовно-нравственному совершенству. Собственное сочинительство непременно ведет к усечению опыта святого, низведению опыта святого до уровня понимания составителя [6]. Реализация такого подхода в житиях новомучеников, составленных игуменом Дамаскиным (Орловским), достигнута посредством: а) применения проложного метода изложения текста, то есть по хронологии событий; б) строгого следования фактам с целью достоверности и правдивости житийного повествования; в) исключения всякого вымысла и вероятности личностного пристрастия; г) раскрытия духовного смысла жития святого, мотивации его поступков в контексте Священного Писания и Священного Предания.

Опыт составления житий святых XX века представляет в этом отношении интерес как для церковного, но и для светского исследователя. Уникален предмет исследования – святая личность, познание и выражение которой в житийном слове удается немногим. Раскрытие исторического контекста событий, историко-богословский подход к уяснению смысла фактов – все это определило содержание житий святых XX века с отражением составляющих влияния: государственной, общественно-религиозной и социокультурной традиций. Впервые примененный в агиографической практике критерий единого информационного поля взаимодействия субъектов событий в разрезе территориального образования оказался достаточно эффективным для обнаружения и понимания сведений об изучаемой личности.

Категориальный аппарат агиографии святых XX века

Научная лаборатория составителей житий новомучеников опирается на категориальный аппарат богословских и историко-архивоведческих наук. Работа в системе именно духовно-ориентированной научной методологии позволила составить жития новомучеников и исповедников XX века, содержание и смысл которых намного превыше и гораздо глубже изложенного словами текста. В этом – феномен духовного творчества, духовного видения предмета, духовного мышления составителя житий. Для биографов такая глубина практически недоступна.

Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий показал роль исторических условий, обстоятельств, в которых совершали подвиги древние мученики и мученики XX века, и доложил предложения Синодальной комиссии об «историко-канонических критериях в вопросе о канонизации новомучеников Русской Церкви в связи с церковными разделениями XX века», которые получили одобрение Священного Синода и легли в основу изучения явлений церковной жизни на предмет канонизации мучеников и исповедников XX столетия, а также выработки подходов к составлению их житий [15, с. 171–185].

В качестве историко-канонических критериев в вопросе о канонизации святых Церкви Русской выступают: *достоверность* (факты, приводимые в житии святого, требуют документального удостоверения); *полнота данных* о земном пути пострадавшего (биографический аспект жития); *мученическая кончина* во Христе (духовный аспект жития); *историзм* (личность в условиях внешней среды, влияние среды на жизненный путь и отражение в поступках подвижника).

Жития новомучеников в системе современного культурологического знания

Жития новомучеников XX столетия представляют несомненный интерес как источник в системе научного знания об истории и человеке России. Известный филолог и историк культуры В.М. Живов (1945–2013) показал, что жития святых могут изучаться с историко-богословской, исторической, социально-культурной и литературной точек зрения. С историко-богословской точки зрения жития святых изучаются как источник для реконструкции богословских воззрений эпохи создания жития, его автора и редакторов, их представлений о святости, спасении, обожении и т.д. В историческом плане жития при соответствующей историко-филологической критике выступают как первоклассный источник по истории Церкви, равно как и по гражданской истории. В социально-культурном аспекте жития дают возмож-

ность реконструировать характер духовности, социальные параметры религиозной жизни (в частности, так называемую народную религиозность), религиозно-культурные представления общества. Жития, наконец, составляют едва ли не самую обширную часть христианской литературы со своими закономерностями развития, эволюцией структурных и содержательных параметров и т.д., и в этом плане являются предметом литературно-филологического рассмотрения [16].

Жития новомучеников
и исповедников Церкви
Русской

Жития новомучеников и исповедников Церкви Русской, составленные на документально удостоверенной основе с учетом историко-канонических критериев, содержат ключ к освоению исторического прошлого самого загадочного века русской истории и определяют ныне методологическую основу современной агиографии.

Однако далеко не каждый современный ученый в области гуманитарных наук обращается к агиографическим трудам, реализуя междисциплинарный подход собственных исследований, связанных с изучением человека как субъекта исторического бытия. Причиной тому атеистическое наследие мировоззренческих установок советской научной школы и недооценка роли и значения отдельной человеческой личности в истории.

Развенчание мифа
о каноне жития

Составление житий новомучеников XX века потребовало преодоления устоявшихся в советское время, преимущественно в литературной среде, представлений о непреложности следования некоему канону литературного жанра, а именно: формализации текста «на всех уровнях произведения – структурном, стилистическом, идейном и символично-богословском», наличию строгой композиционной схемы жития, использовании определенных поэтических средств, уподоблении и следовании сакральным образцам. Цель агиографа, как полагают сторонники абсолютизации литературного жанра, «не воссоздание исторически достоверной биографии, а выявление сути и вневременного содержания подвига святого, земная жизнь которого была путем к Богу» [17, с. 284].

Признается право на
мифологизацию
личности святого

При этом признается право на мифологизацию личности святого: «установка на канон и ориентация на образцы как на основные принципы построения агиографического текста приводят к частым заимствованиям из житий известных подвижников при создании житий новопрославленных святых: таким образом новый святой уподоблялся его великим предшественникам, а агиограф свидетельствует святость святого» [18,

с. 284]. Автор лекционного курса «Агиология» Е.Н. Никулина, сожалея, что «новые жития отходят от канона все дальше и дальше», оперирует понятиями «нормы житийного канона», «нормы современной светской литературы», не раскрывая этих понятий, и рассматривает составленные по критериям Русской Церкви жития новомучеников как «возрастающую секуляризацию агиографии» [19, с. 31–32]. Воззрения автора лекционного курса получили жесткую, но справедливую оценку рецензентов. Так, А.Ю. Виноградов, приведя «несколько конкретных примеров», которые, по его мнению, «лишают книгу Никулиной всякой ценности и, более того, даже делают ее источником заблуждений...», заключает: «Нам остается лишь отметить, что основные репутационные потери от тиражирования этого и подобных “курсов лекций” несет ПСТГУ, имя которого стоит на титуле книги. Автору рецензии, который на протяжении многих лет читал на Богословском факультете того же ПСТГУ курс истории византийской агиографии, это особенно обидно» [20].

Парадоксальную истину обнажило исследование истории агиографической традиции

Исследование истории агиографической традиции обнажило парадоксальную истину. Оказалось, что канон жития святого в христианской агиографии Церковью не устанавливался*. Многовековые дискуссии библеистов о критериях отбора авторитетных (канонических) текстов (в которых, кстати, никогда не фигурируют жития) не завершены и сегодня. Но даже библейский канон в числе критериев каноничности отбираемых текстов включает время создания и историческую достоверность (для исключения фантастических историй).

Нам остается добавить лишь одно: рассмотрение агиографии новомучеников, игнорирующее постановления, определения, рекомендации Священного Синода, материалы Синодальной комиссии по канонизации святых, – несостоятельно.

Жития святых XX века – достоверный исторический источник

Православный агиограф, ответственно понимающий свою задачу, руководствуется установлениями Русской Церкви. Приведем весьма показательные суждения по этому вопросу игумена Венедикта (Кулешова), архивариуса Рождество-Богородичного Санаксарского

* *Канон* (греч. – мера, правило). 1) термин, используемый в церковной науке: библеистике, литургике, каноническом праве, в церковном искусстве; 2) многострофное церковное песнопение определенной структуры, один из ключевых жанров византийской (и наследующей ей общеправославной) гимнографии // Православная энциклопедия. Т. XXX. С. 203–204.

монастыря. Он пишет: «Два повествования доступны были к 1999 году, когда в Саранской епархии готовилось прославление сего великого подвижника. Это “Жизнь отца Феодора и Краткие его поучения”, составленная монахом Оптиной пустыни Порфирием (Григоровым) и изданная в Москве в 1847 году, а также “Жизнеописание старца иеромонаха Феодора (Ушакова), восстановителя и настоятеля Санаксарского монастыря”, печатавшееся в Тамбовских епархиальных ведомостях за 1886 год, где составитель игумен Тихон (Ципляковский), вполне учтя Оптинскую редакцию, еще значительно дополнил как жизнеописание, так и наставления преподобного отца. На основе этих публикаций и был подготовлен житийный тридцатистраничный текст, достаточно стилизованный, как того требуют традиции и условия жанра.

Со временем стали выявляться документальные свидетельства

Затем началась работа в архивах – и со временем стали выявляться документальные свидетельства, не вмещающиеся в стилизованную традицию и как бы не желавшие соблюдать заповеданный агиографам жанр. И возникло печальное понимание, что в том виде, в каком житие преподобного Феодора существует, нам предоставлена для чтения некая недосказанность, даже *полуправда*, – но будет ли она поучительна для нас, в должной ли мере будет назидать?» [21, с. 7–8]. И добавляет к этому рассуждению еще важную для нас деталь о том, что у него «было немалое искушение подключить опыт и навыки *художественного* построения текста, но, *кажется*, удалось этого избежать» [Там же].

Жития новомучеников как источник возрождения национального самосознания

Издаваемые ныне жития святых новомучеников и исповедников можно назвать памятником народу России XX столетия, где с предельной достоверностью и объективностью раскрылось единство его исторического и духовного бытия, являемого в жизни как отдельно взятой личности, так и целого народа и государства. Так, упомянутые выше «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским)», представляют собрание житий святых XX века в формате Месяцеслова, где жития расположены в последовательности чисел месяца, указывающих дни памяти святых. Этот труд имеет все атрибуты научного и богословского издания: комментарии, указатели, ссылки на официальные акты, опубликованные труды и архивные источники.

Содержание житий отображает земной путь новомучеников

Содержание житий отображает земной путь новомучеников (от рождения до мученической кончины). Состав информации в житиях: а) биографические

данные (родители, место рождения, образование, семья, путь духовного восхождения, аресты, ссылки, исповеднический подвиг, конец земного пути); б) исторический фон: имеющие непосредственное отношение к биографии святого факты и события; в) сведения о чудесных явлениях (если они достоверно засвидетельствованы); г) духовно-религиозные комментарии самого составителя, основанные на текстах Священного Писания и Священного Предания, собственном духовном опыте и позволяющие читателю проникнуть в смысл поступков святого, действующего в свете евангельских заповедей.

Человек ставит перед собой высокие духовные цели

В житиях повествуется, как человек на протяжении жизни ставит перед собой высокие духовные цели, изживает страсти, исполняет евангельские заповеди, делает выбор верности Богу, несмотря на страдания. Уповая на Бога, как свидетельствуют жития новомучеников, он преодолевает человеческое естество – самый мучительный и трудно постигаемый подвиг. Если же человек ищет выхода в земных внешних условиях, надеется на себя, на окружающих людей, то не выдерживает обрушившихся на него мучений и, все дальше отдаляясь от Христа, может дойти до падения.

В житиях, составленных в соответствии с историко-каноническими критериями, современник может почерпнуть знание о святости, роли и значении святых в формировании национального идеала, системе традиционных ценностей, об истоках духовного подвига и духовно-нравственном состоянии человека.

Значение изданий житий новомучеников и исповедников

Значение изданий житий новомучеников и исповедников Российских сравнивают с появлением в XV веке «Минеи Четви» митрополита Макария, «выдающееся достоинство» которых как «монументального творения» состояло в «чрезвычайной полноте, благодаря которой оно представляет для историков Русской Церкви такую же сокровищницу всякого знания, какой является «История» С.М. Соловьева для историков гражданских» [22, с. 405]. Жития новомучеников и исповедников Российских ныне в ряду с житиями русских святых, составленными впервые в полном объеме в XVII веке отцом русской агиографии Димитрием Ростовским, чей труд в течение трех веков и донныне остается одним из самых популярных в народе агиографических сочинений [23].

Долг современников перед памятью святых XX века

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в докладе на Архиерейском Соборе в апреле 2011 г., определяя долг перед памятью новомучеников и исповедников Российских, показал, что «Во многих епархиях есть своя Голгофа – место, где в годы гонений

расстреливались узники, лагерь или тюрьма, где пребывали исповедники Христовы нового времени. Необходимо озаботиться тем, чтобы на этих святых для нашей Церкви местах непрестанно возносилась молитва, чтобы верующие совершали туда паломничества. Призываю Преосвященных во взаимодействии с государственными властями рассмотреть вопрос об увековечении памяти пострадавших за веру: возводить храмы, часовни, воздвигать поклонные кресты» [24].

Задача введения в национальную память житий новомучеников – героев духа выступает ныне как долг перед Отечеством, которое находится в начале трудного пути к подлинному возрождению.

Изучение России без России

Человек России, генетически укорененный в православии, недоступен пониманию в контексте западно-романского культурологического мировоззрения. Весьма убедительно подтвердил это положение американский политолог Стивен Коэн в докладе «Изучение России без России. Крах американской постсоветологии». Он аргументирует выводы о том, что академическая сфера русских исследований столкнулась с риском быть окончательно дискредитированной. Предложенная и реализуемая тоталитарная модель описания советской истории XX века, применение сравнительного анализа исторического развития России и Западной Европы не дали плодотворных результатов, и дело изучения России ныне выглядит столь же печально, как и сами российские условия. И это, несмотря на огромные финансовые вложения в исследования архивных комплексов, проводимых зарубежными и нанятыми российскими исследователями. «Должно быть что-то особенное в нации, – пишет он, – в которой и коммунизм, и капитализм были целиком дискредитированы на протяжении каких-то 80 лет... <...> какое сравнительное мышление может вообразить, что подобный исторический процесс ведет к демократии и честной рыночной экономике, о чем мы говорили так постоянно до августа 1998 года?» [25, с. 5–8].

Особенное в русской нации – человек перед вечностью

Особенное в русской нации, в русском человеке со всей силой выявляется в житиях новомучеников и исповедников XX века. Их жизненный путь – это путь восхождения через тернии земных страданий в жизнь вечную. Житие вводит нас в область сверхъестественного состояния человека, того состояния, когда человек, оставляя свои земные пристрастия, полностью предается воле Божией. Мы видим, как человек старался ставить перед собой высокие духовные цели, пережить страсти, исполнить евангельские правила, стать совер-

шенным у Бога, быть простым, как голубь, и мудрым, как змий, но не в области лукавой психологии, а в области трезвомыслия. И наступил момент, когда Господь поставил вопрос верности человека Богу за счет страданий. Разрыв со своим человеческим естеством – тот труднодостижимый, самый мучительный для человека процесс, в котором Господь споспешествует страданиями, и, если человек принимает их, тогда он как по ступенькам тянется в Царствие Небесное.

Преподобномученик
Макарий (Телегин)

Заглянем в житие преподобномученика Макария (Телегина), иеромонаха. Был арестован 3 апреля 1922 года при изъятии церковных святынь в Сергиевском храме Троицкого подворья. На допросах отец Макарий признавал факты обвинения. Да, он назвал членов комиссии грабителями и насильниками. Но вины в том, несмотря на многочасовые усилия следователя, не видел и вину не признавал. На вопрос: «Значит, будем так считать, что вы считаете, что комиссия действовала как грабители?» следовал ответ: «Да, грабители. Действительно, это кощунственно для верующих. Как же это так? Я прихожу в ваш дом и начинаю распоряжаться. Скажите, что это, не то же самое?» Он без устали поясняет следователю, что «святыня выше всякой власти, что врагов у него нет, он за них молится». «Вы нанесли оскорбление», – говорит следователь. И слышит ответ: «Я при условии нанесения оскорбления святыни». В день окончания процесса в последнем своем слове, предавая свою жизнь в руки Божии, иеромонах Макарий кротко сказал: «Аще имеете вы судить по вашим законам, то судите». Находясь в тюрьме, он говорил заключенным вместе с ним священникам: «Жду не дождусь встречи с Господом моим Христом» [25, с. 104].

Священноисповедник
Лука
(Войно-Ясенецкий)

Во всем духовном величии предстает со страниц жития фигура великого святого епископа – врача-хирурга, священноисповедника Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Симферопольского и Крымского. Раскрыв подаренное ему при окончании гимназии Евангелие, он был поражен словами Иисуса Христа, обращенными к апостолам: «Жатвы много, а делателей мало. Итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою» [Мф. 9:37]. «О, Господи! – Неужели у тебя мало делателей?!» – пронеслось в голове юноши. Эти слова определили весь его дальнейший жизненный путь. Он принимает священнический сан в разгар гонений на Церковь. Автор жития на основании документированной информации раскрывает перед читателем земной путь этого святого человека, претерпевшего аре-

сты, тюрьмы, пыточные следствия, но до конца, живя и работая в советских хирургических клиниках, он не снял с себя священническую, а затем епископскую мантию. Его труд «Очерки гнойной хирургии» спасли сотни тысяч раненых в годы войны. Он был удостоен Сталинской премии. «Священноисповедник Лука, – свидетельствует игумен Дамаскин (Орловский), – принадлежал к тем редким исключительно значимым для народа людям, которые не могут делать что-то для себя, ограничиться деланием того, что лично им нравится, для них долг служения ближним – не пустые слова, и потому они в своей деятельности занимаются не чем попало, не идут вслед случайного выбора, не строят на чужом фундаменте, но стараются найти то, что необходимо сделать сейчас и что полезно для всего общества. Это строители, делатели, выходящие на ниву по призыву Господа, одни сеять, другие, входя в их труд, – жать» [25, с. 274].

Жития
новомучеников –
источник познания
духовного взлета

Жития новомучеников – непревзойденный источник познания не только духовной силы, духовного взлета, но и духовного падения человека, когда под гнетом страданий человек не преодолевал свое земное естество, начинал возлагать надежды и искать спасения у людей, втягиваясь в воронку лжесвидетельства против себя и Церкви. И погибал такой человек уже не за Христа, а из-за отступничества от Христа.

В.О. Ключевский
о преподобном
Сергии Радонежском

Более тридцати лет жизни отдал великий русский историк Василий Осипович Ключевский изучению житий святых. Он впервые открыл в них огромный пласт информации о состоянии нравственной жизни народа и типичных социальных явлениях, о господствующем идеале эпохи. Он гениально определил роль святых в жизни русского народа, подчеркнув, что: *«Есть имена, которые выступили из границ своего времени, потому что дело, сделанное таким человеком, по своему значению далеко выходило за пределы своего века, своим благотворным действием глубоко захватило жизнь дальнейших поколений и постепенно превратилось в народную идею, а самое дело из исторического факта стало практической заповедью, заветом, тем, что мы привыкли называть идеалом. Такие люди становятся для грядущих поколений вечными их спутниками, даже путеводителями, и целые века благоговейно твердят их имена не столько для того, чтобы благодарно почтить их память, сколько для того, чтобы самим не забыть правила, ими завещанного. Таково имя преподобного Сергия Радонежского»* [26, с. 309].

1. *Алексий II, Патриарх Московский и вся Русь*. Торжество Православия. Православная энциклопедия. – М., 2000.
2. *Полонский В.В.* Агиография // Энциклопедия «Кругосвет». Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия: <http://www.krugosvet.ru/>
3. *Андроник (Трубачев), игумен; Венедикт (Кулешов), игумен; Максим Максимов, протоиерей; Олег Митров, протоиерей; Платон (Рожков), иеродиакон, др.* Подвиг новомучеников и исповедников Российских и духовное возрождение Отечества // XII Международные Рождественские образовательные чтения. 24–31 января 2004 года. Новости. – <http://orthodoxy.stnikolas.ru>
4. *Б.а.* Идеал слова // Советский энциклопедический словарь. – М., 1982. – С. 48.
5. *Иоанн (Маслов), схиархимандрит.* Симфония по творениям Тихона Задонского. – М., 1996.
6. Личный архив автора.
7. *Дамаскин (Орловский), игумен.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним : В 7 кн. Кн. 1 (237 с.), 2 (527 с.), 3 (623 с.), 4 (479 с.), 5 (479 с.), 6 (479 с.), 7 (542 с.). – Тверь. 1992–2002; *Игумен Дамаскин (Орловский).* Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским) : В 6 кн.: январь–июнь. – Тверь, 2005–2008.
8. *Алексий II, Патриарх Московский и вся Русь.* К читателю // Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 3. – Тверь, 2001. – С. 4–5.
9. Закон РФ «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 г. № 267-1 / «Ведомости СНД и ВС РСФСР», 1990, № 21. Ст. 240; Закон СССР № 1689-1 от 1 октября 1990 г. «О свободе совести и религиозных организациях» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – М., 1990. № 41. Ст. 813.
10. *Семенов-Басин И.В.* Святость в русской православной культуре XX века. История персонификации. – М., 2010.
11. *Головкова Л.А.* Особенности прочтения следственных дел в свете канонизации новомучеников и исповедников Российских // Альфа и Омега. 2000. № 4 (26). – С. 206–215.
12. *Литвин А.Л.* Следственные дела советских политических процессов как исторический источник //

Проблемы публикации документов по истории России XX века. – М., 2001. – С. 332–336; Публикация документов следственных и судебных дел политического характера (1920–1950 гг.): метод. пособие. – М., 2008; *Перемышленникова Н.М.* Архивное следственное дело как исторический источник // Проблемы публикации документов по истории России XX века. – М., 2001. – С. 337–340; *Иноземцева З.П., Романова С.Н.* Дела по обвинению православного духовенства как исторический источник // 2000-летию Рождества Христова посвящается. – М., 2001. – С. 112–131; *Романова С.Н.* Дела по обвинению православного духовенства и мирян. 1937–1938 гг. // Отечественные архивы. – 2001. – № 4. – С. 4–12; *Иноземцева З.П.* Совместимы ли эмоциональные идеологемы с научной критикой исторического источника? // Архивы Русской Православной Церкви: пути из настоящего в будущее. – М., 2005. – С. 170–178; *Иноземцева З.П.* Возрождение церковно-исторической традиции в агиографических трудах игумена Дамаскина (Орловского) // Церковь в истории России. – М., Сборник ИРИ РАН 9. – 2010. – С. 269–288; *Иноземцева З.П.* К вопросу о возрождении житийной традиции в отечественной культуре // Вестник архивиста. – 2004. – № 6 (84). – С. 165–172.

13. *Петровская И.Ф.* Биографика. Введение в науку и обзор источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. – СПб., 2003.

14. *Беленький И.Л.* Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность. Историческая биография сегодня. – М., 2005. – С. 37–54.

15. Постановление Священного Синода Русской Православной Церкви от 26 декабря 1995 года с одобрением доклада «Историко-канонические критерии в вопросе о канонизации новомучеников Русской Церкви в связи с церковными разделениями X века» // Канонизация святых в XX веке. – М., 1999. – С. 171–185.

16. *Живов В.М.* Святость. Краткий словарь агиографических терминов. – М., 1994.

17. Житийная литература // Православная энциклопедия. Т. XIX. – М., 2008.

18. *Никулина Е.Н.* Агиология. Курс лекций. – М., 2009.

19. *Виноградов А.Ю.* Два отечественных введения в агиографию. Портал: *Богослов.ru*. 24 июня 2010 г.

20. *Венедикт (Кулешов), игумен.* Приемший огонь. Жизнь, страдания, подвиги преподобного Феодора Санаксарского. – Саранск, 2011.

21. *Иннокентий (Просвирнин), архимандрит.* Митрополит Макарий (Булгаков) и академик Е.Е. Голубинский (из истории русской церковно-исторической науки) // Блаженны чистые сердцем. – М., 2008. – С. 405.

22. *Александр Державин, протоиерей.* Радуют верных сердца. Четии-минеи Дмитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник. Ч. 2. – М., 2008.

23. *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси.* Доклад на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви (2 февраля 2011 года) // Информационная служба Архиерейского Собора / www.patriarchia.ru

24. *Коэн Стивен.* Изучение России без России. Крах американской постсоветологии. – М., 1999. – С. 5–8.

25. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Кн.: Май. – Тверь, 2007.

26. *Ключевский В.О.* Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства // Православие в России. – М., 2000.

